

На самом деле Хэ Сы просто увидел на старом дереве кошку и её маленькие яички...

«Боже правый, — подумал он. — Да она же жива!»

И ещё... ха-ха, яички у неё всё такие же маленькие...

Улыбка Хэ Сы вдруг застыла. Он невольно опустил взгляд на себя, и в душе его поднялась безответная тоска.

Эх, маленькие яички всё же лучше, чем никаких, и уж куда лучше, чем одни намёки на них...

Лу Чжэнмин, наблюдая, как тот вдруг поник с лёгкой грустью, слегка приподнял бровь. Неужели минуту назад он выглядел таким уверенным?

...

Чжао Цзинчжун, обойдя округу и встретившись с агентами, припрятанными в разных местах, чтобы убедиться в отсутствии подозрительных лиц, вернулся во двор.

Спрыгнув с забора, он увидел, как Хэ Сы, с зловещей улыбкой на лице, насильно гладит трёхцветную кошку, которая яростно вырывается у него на руках.

Чжао Цзинчжуну стало не по себе. Вкусы его начальника становились всё изощрённее — теперь он не щадил даже кошек...

Он мысленно поставил свечку за трёхцветную кошку, но высказываться не посмел. Лишь бросив взгляд на комнату, он тихо спросил:

— Наместник, мы уже целый день вне дворца. Не пора ли вернуться?

Для могущественного Наместника Восточной палаты ночёвка на стороне не была редкостью. Но Хэ Сы только что занял место старого главы Палаты, пересуды при дворе и за его пределами ещё не утихли, все группировки были на взводе — оставаться снаружи сейчас было не лучшей идеей.

Тем более, здесь ещё был офицер Императорской гвардии.

Даже если Наместник уже переспал с ним, в глазах Чжао Цзинчжуна, годами промывавшего мозги старому главе Палаты, тот ни в коем случае не был достойным доверия.

Хэ Сы, с холодной улыбкой ведя борьбу с кошкой, услышав вопрос Чжао Цзинчжуна, на миг замер. Он взглянул на светящееся небо, затем на кошку в руках, и наконец на восточный флигель:

— Ладно, возвращаемся.

— А этот человек? — осторожно спросил Чжао Цзинчжун. — Оставляем или...?

Он сделал многозначительный жест:

— Всё равно вы уже переспали с ним.

— ... — Хэ Сы одной рукой потер виски, несколько раз сглотнув, прежде чем набраться смелости выговорить:

— Чжунчжун, на самом деле... я с ним ещё не спал.

Чёрт возьми, не то что не спал — даже за руку не держался. Его репутация невинности рушилась сегодня на корню.

Едва он представил, как завтра на утреннем совете все сановники будут смотреть на него с презрением, молча осуждая за то, что он протянул свои щупальца к Императорской гвардии, как ему вовсе расхотелось возвращаться во дворец и быть евнухом.

На лице Чжао Цзинчжуна тут же отразилось: «Понял, принял, ясно». Раз не спали, то можно оставить и в живых.

Хэ Сы с видом, полным жизненной усталости, сказал:

— Оставь кого-нибудь присматривать за ним. Позже ещё нужно будет сверить информацию по Башне Тунцин. Кстати, найди ещё людей, чтобы выяснить его прошлое. — Хэ Сы слегка заколебался, в глазах его мелькнул огонёк. — Чувствую я, этот Лу Чжэнмин не так прост.

Его интуиция всегда была точной. Особенно в плохих делах...

Например, сейчас: едва он сделал шаг за порог, как сердце вдруг ёкнуло. Не успев опомниться, он почувствовал головокружение и рухнул наземь.

Прежде чем сознание поглотила тьма, Хэ Сы успел лишь крепко вцепиться в истрёпанную книгу в рукаве и проклясть всех её предков до восемнадцатого колена, включая Цай Луня, изобретателя бумаги...

Хэ Сы потерял сознание внезапно, а очнулся уже при свете ламп. Последний отсвет заката просачивался сквозь оконную бумагу, окрашивая комнату в лёгкую теплоту.

Но атмосфера внутри была тяжёлой. Янь Чунь стоял на коленях у изголовья кровати, с кровавой полоской в уголке рта. Лицо его было белым, дыхание — прерывистым.

Чжао Цзинчжун наступил ногой ему на плечо, заставив Янь Чуня снова простонать от боли — ключица затрещала.

Открыв глаза, Хэ Сы увидел эту не слишком гармоничную картину. Казалось, «простак и тихоня» Чжао Цзинчжун теперь излучал невероятную мощь, а его надменный взгляд заставлял Хэ Сы думать, что тот вот-вот зловеще ухмыльнётся, приподнимет подбородок Янь Чуня и произнесёт: «Мужчина, ты смог выдержать мой удар. Ты привлёк моё внимание.»

Хэ Сы даже подумал: а не закрыть ли ему глаза снова? Мало ли, вдруг развернётся сцена «насильственного соблазнения»?

Эх, подумать только — как захватывающе!

Увы, слух у Чжао Цзинчжуна и Янь Чуня, как у обученных воинов, был отменным. Они почти сразу заметили, что Хэ Сы пришёл в себя.

Лицо Янь Чуня побелело пуще снега — не лучше, чем у ожившего мертвеца из братской могилы.

Чжао Цзинчжун мгновенно переключился. Глаза его наполнились слезами, словно он увидел отца, ненадолго вернувшегося к жизни перед кончиной, и с трогательной сыновней

почтительностью воскликнул:

— Наместник, вы наконец-то очнулись!

Хэ Сы с трудом воспринял эту резкую смену ролей. Он принял из рук Чжао Цзинчжуна чай, отпил, чтобы смочить горло, неспешно вытер губы платком и, бросив взгляд на всё ещё стоящего на коленях Янь Чуня, спросил:

— Что здесь происходит?

С подчинёнными у него было всё хорошо. Кроме ума. Например, Чжао Цзинчжун страдал тяжёлым раздвоением личности...

Янь Чунь сжал кулаки, не смея молчать. Кровь из уголка рта капала на одежду, уже образовав небольшое пятно.

Чжао Цзинчжун взглянул на него и сказал:

— Он провалил задание. В Башне Тунцин нас опередили и всех «почистили».

«Почистили» на жаргоне Восточной палаты означало «уничтожили подчистую» — ни одной живой души не осталось.

— Все мертвы? — Хэ Сы опешил.

Чжао Цзинчжун взглянул на Янь Чуня и грубо бросил:

— Сам доложи Наместнику.

Янь Чунь прикусил побелевшие губы, вздохнул и, сложив руки, доложил:

— Когда мы прибыли в Башню Тунцин, ворота были заперты, заведение не работало. Мы почуяли неладное, взломали дверь и обнаружили, что все — от хозяина до слуг и поваров на кухне — убиты одним ударом. Никто не выжил.

Хэ Сы, вытиравший губы, замер.

— Какое совпадение? — пробормотал он.

Он только что получил сведения от Лу Чжэнмина, и тут же все в Башне Тунцин мертвы. Неудивительно, что Чжао Цзинчжун в ярости. Гибель людей была делом второстепенным. Чжао Цзинчжуна бесило, что за ними следили, а Янь Чунь с людьми этого не заметили.

Лицо Чжао Цзинчжуна стало суровым:

— Наместник, раз вы в порядке, мы немедленно доставим вас обратно во дворец.

Их местонахождение, возможно, уже раскрыто. И хотя агенты Восточной палаты были мастерами своего дела, враг оставался в тени, а их защита вне дворца не была идеальной.

Ему и самому хотелось уйти! Но едва Хэ Сы подумал об этом, его едва успокоившееся сердце вновь заколотилось, словно желая напакостить.

Хэ Сы с болью закрыл глаза, прижал руку к груди, с трудом сдержав порыв выругаться, и

невозмутимо произнёс:

— Не спеши. Дело ещё не выяснено. Возможно, это и вправду совпадение. Но можно быть уверенным: тот, кого Императорская гвардия хотела схватить той ночью, — персона не рядовая. — Он задумчиво продолжил:

— Ты при мне, отлучиться не сможешь. Так что вызови из дворца Ли Баого и постарайся выяснить, кто из придворных контактировал с гвардейцами в тот день.

Схваченный — не простой. А тот, кто отдал приказ, — и вовсе не рядовой. Во всей этой истории их, Восточную палату, обошли стороной, и они ничего не знали. Дурной знак. Это значило, что после ухода старого главы Палаты кто-то при дворе, а то и во дворце, пытается воспользоваться периодом смены власти, чтобы устроить переворот.

Он сделал паузу и добавил:

— Чжаоцай ещё не покинул столицу. Поручи ему заняться делом Башни Тунцин. Люди в Башне мертвы, но у них ведь были семьи. За такое короткое время уничтожить всех под корень, не оставив следов, — задача не из лёгких. Наверняка будет какой-то шум, какие-то зацепки.

Хэ Сы никогда не стремился создавать проблемы. Но если проблемы сами лезут к нему, он не мог просто лечь и ждать. Нужно было во что бы то ни стало выяснить, кто стоит за всем этим.

Чжао Цзинчжун было собрался уговаривать Хэ Сы вернуться во дворец, но, видя его размеренность и уверенный вид «ситуация под полным контролем», с которым тот отдавал распоряжения, постепенно успокоился. Его толстые губы дрогнули, и он наконец сложил руки в поклоне:

— Наместник мудр. Я немедленно свяжусь с Баого и остальными.

Хэ Сы, видя его почтительный восторг, едва не дёрнулся уголком рта. Ему хотелось крикнуть: «Чжунчжун, я совсем не спокоен! У меня внутри паника!»

Но паника была бесполезна. Хэ Сы мог лишь молча достать пилюли защиты сердца, принять полбутылки и заставить своё сердце успокоиться, стать безмятежным и бесстрастным.

Проглотив пилюли, он увидел, что Янь Чунь всё ещё стоит на коленях в углу, и вздохнул:

— Вставай. Пинок от начальника ты заслужил. Если кто-то смог уничтожить Башню Тунцин у вас под носом, он так же незаметно может прикончить и вас.

Чжао Цзинчжун фыркнул.

Янь Чунь тихо произнёс:

— Так точно.

Поднялся, слегка пошатнувшись, и, прижимая руку к плечу, молча вышел, сгорбившись.

<http://bllate.org/book/16284/1466999>